

КЫЗБУРУНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (КЪЫЗБРУН ЗАУЭ) ПО ЧЕРКЕСКИМ ПРЕДАНИЯМ В ИЗЛОЖЕНИИ Ш.Б. НОГМОВА

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Черкесские исторические предания содержат ценные данные по раннему периоду политогенеза державы князя Инала и первых поколений его наследников. Кызбурунское сражение (Къызбрун зауэ) является одним из важнейших событий в истории Княжеской Черкесии XVI в. Исторические предания и поэтический текст песни, посвященные этому событию, нашли отражение в работе Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа». Основным содержанием этого исторического сюжета является междоусобная борьба третьего поколения Иналидов Кабарды, в которую вмешивается князь-изгой Идар Инармасов. В устных преданиях в редакции Ш.Б. Ногмова содержится ряд неточностей, которые можно откорректировать с помощью доступных нам письменных источников, а также генеалогических росписей Иналидов Кабарды XVII–XVIII вв. Это позволяет анализировать исторические события, мотивы главных участников и лидеров противоборствующих группировок. Аутентичный текст песни о Кызбурунской битве содержит имена предводителей и наиболее отличившихся воинов, позволяет реконструировать некоторые чисто военные детали битвы. В данном событии как в зеркале отражаются наиболее характерные черты феодальной эпохи позднесредневековой Черкесии. Его важнейшими результатами стали выделение Бесленевского владения из Кабарды, крайнее ослабление политических позиций князей Тохтамышевых и возвышение патронимии Идаровых.

Ключевые слова: Кызбурунская битва, Черкесия, Иналиды, Идар Инармасов, исторические предания.

Одной из основных проблем в изучении ранней политической истории феодальной Черкесии является скудость источниковедческой базы. Османские архивы плохо изучены, русские архивные источники дают содержательные материалы по политической истории Черкесии лишь с середины XVI в. Весь ранний период политогенеза позднесредневековой державы Инала и его ближайших наследников мы можем реконструировать опираясь почти исключительно на генеалогические росписи Иналидов, составленные уже в XVII–XVIII вв., и исторические предания черкесов. Первый историографический опыт подобного рода принадлежит перу Ш.Б. Ногмова, чей 225-летний юбилей мы отмечаем в этом году. Его «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев», конечно же не лишена недостатков. Этот труд появился в эпоху, когда академическая историография только начала формироваться. «История» Ш.Б. Ногмова полна противоречий и анахронизмов. Опираясь на весь комплекс исторических знаний, накопленных современным кавказоведением, мы отчетливо осознаем эти недостатки, противоречия, фактические ошибки автора [Кожев 2011]. Тем не менее, детальное изучение «Истории адыгейского народа», как ценного источника исторических преданий черкесов, записанных автором в первые десятилетия XIX в., на наш взгляд, не потеряло актуальности и по сей день. Особенно это касается сюжетов из

политической истории Кабарды и всей Княжеской Черкесии первой пол. XVI в. – эпохи непосредственно предшествовавшей установлению интенсивных дипломатических, политических, военных связей с русским государством, нашедших адекватное отражение в синхронных летописных и дипломатических письменных источниках Московского царства. Это позволяет полнее раскрыть эвристический потенциал черкесских исторических преданий, коррелируя их с данными архивных источников, в первую очередь русских.

Одним из таких сюжетов является история первого крупного междоусобия князей Иналидов, завершившегося сражением у «...Кызбуруна, на правой стороне реки Баксана», как пишет Ш.Б. Ногмов в своем труде [Ногмов 1994: 104]. Главным героем этого события выступает князь Идар, родоначальник широко известного по русским источникам XVI–XVII вв. княжеского дома Идаровых, к которому принадлежали пшышхуэ – великий князь Кабарды и тесть Ивана IV Грозного (1533–1584) Кемиргоко Идаров и его дочь Гуашаней, в крещении Мария Темрюковна Черкасская, а также многие другие политические деятели, как Черкесии, так и Московского царства [КРО 1957: 5, 9–10, 384]. Глава, посвященная князю Идару – «Повесть о князе Идаре и уничтожении Тмутараканского княжества (не дошедшая до русских бытописателей)», содержит баснословные сведения об его участии в войнах с Хазарским каганатом и Тмутараканским княжеством, делает Идара современником легендарного Редеди [Ногмов 1994: 101–102]. Это явный анахронизм и неубедительная попытка автора придать своему персонажу подчеркнуто выдающуюся роль в черкесской истории. Время жизни Идара мы можем уверенно датировать первой пол. XVI в., так как его сыновья хорошо известны как активные участники политической жизни Кабарды с 1557 г. [КРО: 5]. А Хазарский каганат и Тмутараканское княжество прекратили свое существование еще в XI в. Ш.Б. Ногмов также не точен в генеалогических преданиях. Например, князя Идара он называет внуком Инала – родоначальника правящей династии почти всей феодальной Черкесии XV–XIX вв. Кроме того, Ш.Б. Ногмов неверно указывает имя отца Идара: «...Инал был женат три раза. От третьей жены у него осталось два сына Унармес и Кирлиш. Унармес оставил сына Тохтамыша, владевшего Кабардой. Кирлиш умер, оставив беременную жену, которая была взята в дом к родичу своему Хамишеву. Будучи у него она родила сына, которого назвали Идаром» [Ногмов 1994: 101].

На самом деле, как мы можем судить по сохранившимся генеалогическим росписям Иналидов Кабарды, в первой пол. XVI в. в Восточной Черкесии правило уже второе и третье поколение Иналовичей. То есть Идар был не внуком, а уже правнуком Инала Светлого/Сиятельного [КРО 1957: 383–384]. По данным черкесских преданий он, вероятно, действительно трижды был женат. Во всяком случае, Ш.Б. Ногмов в своем труде несколько раз повторяет эту информацию [Ногмов 1994: 96, 101]. После смерти Инала, созданное его усилиями государственное объединение было разделено на уделы многочисленными сыновьями. По классическому сценарию развития раннефеодальных государств держава Инала стала распадаться. «Должно полагать, – пишет Ш.Б. Ногмов – что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств, они разделились на три части: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду» [Ногмов 1994: 90]. Такое троичное деление – Хегак, как крайний запад, низовья Кубани; Кемиргой, как центр и великокняжеский домен; и Кабарда, как крайний восточный предел государства Иналидов, выглядит закономерной и объективно обусловленной естественно-географическими факторами формой освоения пространства Черкесии. Кроме того, деление державы Инала на три части совпадает с преданием о трех браках великого князя и, соответственно, о трех линиях сводных братьев от разных жен. По некоторым косвенным данным, мы можем судить, что старшей линией Иналидов были именно

кемиргоевские князья. Из Кемиргоя, согласно черкесским преданиям, выделились княжеские дома Жанея и Хатукая, которые известны османско-крымским письменным источникам со второй трети XVI в. [Некрасов 1990:104, 107, 110–111; Ногмов 1994: 96–97]. Однако Болотоковы – старший линидж кемиргоевских Иналидов, вплоть до XIX в. удержали в своем владении географический центр Княжеской Черкесии – бассейн р.Белой (в равнинной части современной Адыгеи) и сохранили репутацию «князей из князей» («*пцым я пцызж*») [Нэгумэ 1958: 114; Ногмов 1994: 97]. К сожалению, подробные генеалогические росписи Иналидов Западной Черкесии историческому кавказоведению неизвестны, изыскания в этом направлении – это дело будущего и задача кропотливого исследования. Генеалогические же росписи Иналидов Кабарды, благодаря инкорпорации некоторых из них в состав высшей аристократии Московского царства, известны примерно с 40-х годов XVII в. [КРО 1957: 383–387]. Это ценный исторический источник, который позволяет скорректировать черкесские исторические предания в редакции Ш.Б. Ногмова. Неточности, допускаемые автором «Истории адыгейского народа» в определении генеалогического происхождения князя Идара вполне объяснимы. Линидж Идаровых в Кабарде прервался за несколько поколений до рождения Ш.Б. Ногмова [Налоева 2015: 13]. Отсутствие прямых потомков закономерно снижало возможности точного сохранения всех нюансов генеалогического предания о происхождении Идаровых.

Опираясь на известные генеалогические росписи «кабардинских и черкесских мурз и князей» мы можем уверенно утверждать, что первое поколение Иналидов в Кабарде состояло всего из двух человек – братьев Табулы (или Табулду) и Беслана, весьма вероятно, рожденных последней, младшей из трех жен Инала. У Табулы было четыре сына – Инармес, Джанхот, Минбулат, Кирклыш, а у Беслана – один сын Каноко. Князь Идар же был единственным сыном именно Инармеса – самого старшего из поколения внуков Инала в Кабарде [КРО 1957: 383–384]. Судьба Идара, а также всего третьего поколения кабардинских Иналидов и является сюжетообразующей в предании о Кызбурунской битве (*Къызбрун зауэ*).

Итак, Идар родился уже после смерти отца, в доме своего деда по матери бжедугского князя Эльжера Хамишева. Фактически он превратился в князя-изгоя, лишённого удела в Кабарде. Эпизоды, связанные с юностью и легендарными подвигами Идара в войнах с Тмутараканью и Хазарией мы рассматривать не будем как явные анахронизмы. Однако оценка историческим преданием неординарности личности Идара, очевидно, имеет веские основания, иначе он не смог бы реализовать свои права старшего среди кабардинских Иналидов и вернуть полноценный княжеский статус: «За его хороший характер и отличные способности дед его Хамишев Бжедугский, князь Эльжеруко и весь адыгейский народ, несмотря на юные его лета, страстно его любили и питали к нему особенное уважение. *Все находили в нем по приветливости и добродетелям великое сходство с князем Иналом* (разрядка наша – К.З.)» [Ногмов 1994: 101]. Сравнение с практически обожествленным предком – Иналом Светлым/Сиятельным, весьма характерно и косвенным образом подтверждает неординарность князя Идара в глазах современников и его выдающиеся личные качества. Тем не менее, несмотря на поддержку со стороны бжедугов, родственников с материнской стороны, уважение к его происхождению и личным достоинствам со стороны других черкесов, Идар решается заявить о своих правах только через два года после того, как в Кабарде начинается междоусобная распря. На наш взгляд, это могло произойти только после смерти Беслана Джанхотова – знаменитого Беслана Тучного (Беслэн ПцІапцІэ), который в предании о Кызбурунском сражении уже не упоминается, в отличие от его младшего брата Талостана [Ногмов 1994: 104]. Из Кабарды изгнали семью Тохтамышша Кирклышева, родоначальника фамилии Тохтамышевых, которые единственные из Иналидов, в последующем постепенно утратят полноценный княжеский статус

[Налоева 2015: 1]. В целом Ш.Б. Ногмов верно передает суть конфликта, как столкновение двоюродных братьев за высшую политическую власть в Кабарде: «Каждый из них хотел властвовать один над кабардинским народом» [Ногмов 1994: 103].

Идар, находившийся в Бжедугии, на правах старшего формально выступил как миротворец и защитник прав изгнанного из Кабарды Тохтамышша. Таким его изображают черкесские предания в редакции Ш.Б. Ногмова. Однако претензии на отцовское наследство, очевидно, были основным мотивом активного вмешательства князя Идара во внутривластную распрю в Кабарде. Старшинство Идара Инармасова среди других Иналидов Кабарды Ш.Б. Ногмову неизвестно, но в уста его послов к кабардинским князьям автор «Истории адыгейского народа» вкладывает следующие предложения: «Князь Идар желает примирить враждующих князей, чтобы они впредь жили дружелюбно и спокойно. Сверх того, он желает справедливого разделе кабардинского народа и требует себе и своим родным одну часть (курсив наш – К.З.)» [Ногмов 1994: 104].

Свои предложения Идар Инармасов выдвинул, опираясь на широкую коалицию союзников и родственников со стороны матери. По преданию для похода в Кабарду он собрал «...из кахов (т.е. *кахов* – досл. «низовых») черкесов – К.З.) или чапсогов, хегаков, бжедухов, махашев и прочих закубанских племен многочисленное войско» [Ногмов 1994: 103]. Под шапсугами в этом перечне западночеркесских или *кяхских* субэтносов, на наш взгляд, следует подразумевать жанеевцев, чьи земли и демографический потенциал шапсуги унаследовали в XVIII в. В XVI–XVII вв. шапсуги среди черкесских субэтносов неизвестны синхронным письменным источникам даже по имени [Волкова 1974: 17–21]. В войске Идара конкретно не упомянуты контингенты кемиргоевцев и хатукаевцев, хотя их участие в столь представительном ополчении более чем вероятно. Для того, чтобы сложилась такая широкая коалиция *кяхских* князей одних родственных связей с бжедугским владетельным родом Хашишевых было недостаточно, тем более, что они даже не были Иналидами [Султан Хан-Гирей 2009: 157–163]. Бжедугский контингент в армии Идара был далеко не основным. Историко-героическая песня о Кызбурунском сражении особо подчеркивает как военную доблесть, так и малочисленность бжедугской конницы [Ногма 1956: 59]. Следовательно, основные силы армии Идара Инармасова состояли из контингентов *кяхских* Иналидов. А для этого в их среде должен был сложиться консенсус по поводу легитимности феодальных прав князя Идара Инармасова на наследственный отцовский удел в Кабарде. Кроме того, была необходима прямая санкция со стороны самых влиятельных княжеских семей, в-первую очередь, кемиргоевских Болотоковых, которых статус *пцым я пцыж* («князя из князей») обязывал быть главными защитниками наследственного права в рамках разросшегося рода Иналидов. Войско Идара Инармасова оказалось настолько значительным, что кабардинские князья, не решаясь на открытое полевое сражение и готовясь к обороне, «...послали в горы к разным народам, приглашая вступить с ними в союз» и собрали около 3 тыс. абазинской пехоты [Ногмов 1994: 104]. Генеральное сражение между противоборствующими сторонами произошло на правом берегу р. Баксан у горы Кызбурун: «Тут кабардинцы, соединив свои войска, сразились с войсками Идара. Кровопролитие было ужасное, жители, покрытые пеплом, и весь народ во время сражения производили страшный крик и вопль, проливая ручьями слезы. Предание говорит, что на этом месте погибло с обеих сторон неисчислимое множество людей» [Ногмов 1994: 104]. Описанию самого сражения посвящена историко-героическая песня «Къызбрун зауэ». В «Истории адыгейского народа» содержится авторский перевод этой песни [Ногмов 1994: 105–107]. Аутентичный текст оригинала на черкесском языке, подстрочный и поэтический переводы Г.Ф. Турчанинова изданы в первом томе «Филологических трудов» Ш.Б. Ногма [Ногма 1956: 57–63]. С небольшими отличиями от оригинала адаптированный к нормам современного литературного

кабардино-черкесского языка текст песни «Къызбрун зауэ» содержится также в варианте «Истории адыгейского народа», изданном на черкесском языке в переводе З.П. Кардангушева [Нэгумэ 1958: 124–125]. Вот аутентичный текст песни в оригинальной редакции, с сохранением особенностей кабардинского диалекта черкесского языка первой половины XIX в. и литературный перевод Г.Ф. Турчанинова.

*Ды Къызбрунмэ лыпсые бзагэхэр даушэ!
Ды нарт шухэр ГумГэкГэ къызэрыдои.
ХъымыцкГэ Елжэры лыхъ[у]
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у]ц,*

*Пици сэхъур Елжэрыкъуэци, жанитГымэ укъыродалгэ,
Лъахъуэдыгъ[у] пчГэгъуэлаицхъуэр къалэбжэм къэцзубгъунж,
Къанокъуэм и таджыр зауэгъуэмэ къахалыдыкГ,
Пхъуэбгъу бырухэр зэбгъузэнатГэ
Багъырсокъуэ Алтаймэ и натГэр шэкГэр[э] итхъуц.*

*ХъымыцкГэ Елжэры лыхъ[у]
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у]ц,
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, бырумэ унелгэ-къелгэ
КГэсэбихэ я Акъсакъалмэ и джатэпэ къытх[у]эйгэжэн
И майдэ къыгъэжэнамкГи къалэбжэ[мэ] къыхуитчГыкГиц;
Кургккъуэхэ ЖэнджэришГыри ды дзэ зэшэнымэ хэмыкГ,*

*ХъымыцкГэ Елжэры лыхъ[у],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у],
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, икГыгуэмэ зэ[къы]цзубгъунж,
ПицыцГыкГу и къуитГумэ я жьакГэ Гэ къытхудалгэ:
«ГатэГэмэкГэ лыпсхэр догъэгъуц».
БагъырсокъуитГмэ брумэ зыцагъэбыддэц:
«Псогуэры ды Гэрыубыдиц» – жаГэрий я гатэпГэр зыралгхэж.*

*ХъымыцкГэ Елжэры лыхъ[у],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у],
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, бжъырыбжъыйхэр зиуннэма[х]уэ.
Мы Багъырсе ета мафГ[э]уэ здычлагъанэ,
Дигулибгъуэй жылэхэр губгъуэ дзэкумэ цокъуэгхэр,
Си Хуэшые къыдэкГи лъэсхэмэ я цэнэкъхэр яГыгыжхэц.
Шытшмэ и тэгълыер зэрыхулагуэ,
Дзэпиблмэ я гухэр гатэпэкГэ нызадарель.*

*ХъымыцкГэ Елжэры лыхъ[у],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у]ц,
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, зауэпэмэ умылГыгъэни[э]т.
Бжэдыгъу шухэр мачГэти, емынэ нэфт,
Къанокъуэ нэфмэ и жылэр рилгэфэкГуэжси,
Бзылгхугэмэ и къабзэхэмэ чГакГуэхэр задияшатырхэц,
Дохъшокуэмэ и тэгълыер къуэраишхэмэ кьейгъэлажэ,
Къанокъуэхэ къуэрылгху шухэр Кургъокъуэхэ ятрагъажэ,
Бжэдыгъу шухэмэ хакГуэжыхэр мафГ[э]кГэ ягъэблаш,
[А]базэ лъэсхэмэ лыгъэгъуэхэр чГыбкГэрэ зырахъэ,
[Айдар] и дыцэ мэГур цэуэфкГэрэ арегъэкъутэ,
Идар ти[ы]мэ, хахуэжыгъэр ШытыкГэрэ Сэмэгу [е]йц.*

Реки кровавые льются у нас в Кызбруне,
Всадники наши коней под уздцы словно нарты выводят.
Мужеством, славный Ельжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,

Князь Елжеруко – герой.
Саблей двуострой грозишься ты князь Елжеруко,
Конь тляходугский у враг крепостных опрокинут,
Всех затемняя, сверкает в сражении шлем у Каноко,
А у досчатой ограды четырехугольной
Лоб Багирсоко Алтая стрела мимолетом задела.

Мужеством славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
Князь Елжеруко, ты прыгаешь взад и вперед над оградой,
Саблю свою Аксакаль Касабий против нас заостряет,
Дверь крепостную своим бердышем отрубает,
А Жангери наш Кургоко всегда и везде среди войска.

Мужеством, славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
На переправе твой конь опрокинулся, князь Елжеруко,
Пшицика двое сынов в удовольствии бороды гладят,
Кровь на руках рукояткою сабельной сушат,
А Багирсоковы братья у самой стены укрепившись,
«Мы победим», – говоря, свои сабли в ножны опустили.

Мужеством, славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
Князь Елжеруко, копья острие твоя радость и счастье,
Бурей пожара охвачен аул Багирсоков,
На поле люд Дигулебгский среди войска рыдает,
А из Хошея что вышли мои – их оружие вилы.
Шипшев мундир среди других выделяется всюду.
Сабель клинками сердца семи войск вырезают.

Мужеством, славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
Князь Елжеруко, среди сильных ты воин первейший,
Всадников мало бжедугских хотя, но неистово смелы,
Люд свой отвел одноглазый Каноко в селеня,
Стали палатками бурки для женщин прекрасных,
Поистрепал тегелей свой Докшоко, ныряя в бурьяне,
Всадники внуки Каноко коней обгоняет Кургоко,
Под верховыми бжедугскими лошади пламенем пышут,
Не растаются с копченой грудинкой в бою абазины,
Молнией будто расколотый щит золотой у Идара,
Шипшев Самог ты не князь, но смелее Идара [Ногма 1956: 57–63].

Литературный перевод Г.Ф. Турчанинова не всегда точно передает нюансы смысла, но выгодно отличается от того русскоязычного варианта, который содержится в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова. Текст песни весьма информативен. Имена Елжера Хамишева, а также его внука и воспитанника (*къан сэхъу(а)* – досл. «воспитанник преотважный/мужественный») Идара Инармасова повторяются в песне как постоянный рефрен. Вряд ли дед князя Идара, в силу преклонного возраста, принимал непосредственное участие в походе и генеральном сражении. По нашему мнению, еще один центральный персонаж песенного текста – «князь Елжеруко – герой» (Елжеруко досл. значит «сын Елжера») никто иной, как сын владетельного князя Хамышейской Бжедугии, родной дядя Идара

Инармасова с материнской стороны. Кроме политических и военных лидеров коалиции кяхских князей в песне упоминаются наиболее отличившиеся воины – Багирсоко Альтай, братья Багирсоковы, Касабий Аксакал, Жангери Кургоко, братья Пишицук, Шипш Самог. Возможно это самое раннее упоминание в исторических преданиях фамилий известных черкесских аристократов XVII–XIX вв., в том числе представителей отрасли бжедугского владетельного дома – мохошевских князей Богорсоковых [Султан Хан-Гирей 2009: 148]. Песня о Къызбрун зауэ особо выделяет бжедугов – *Бжэдыгъу шухэр мачIэти, емынэ нэфт* (досл. «Немногочисленные бжедугские всадники (подобны) слепой чуме»). Вплоть до XIX в. немногочисленность, как и характерная свирепость в бою, будут отличительными маркерами этого относительно небольшого черкесского субэтнуса. Авторы песни не оставляют без внимания и тех, кто прячется от битвы – *Дохъшокуэмэ и тэгэ-лыер къуэрашхэмэ къейгъэлажьэ* (досл. «Тегелей (т.е. стеганный доспех) Докшоко истрепал(ся) бурьяном»).

По тексту историко-героической песни о Кызбурунском сражении мы можем судить о некоторых деталях битвы. Судя по упоминаниям о «вратах крепостных», «досчатой ограде четырехугольной», противники Идара Инармасова сделали опорой своей оборонительной позиции некие полевые укрепления, или один из княжеских замков – *пчыкIэу*. Со стороны обороняющихся в сражении приняли участие массы плохо вооруженных крестьян («их оружие вилы»), но в целом, песня характеризует простолюдинов как страдательных участников событий («на поле люд ... средь войска рыдает»). Примечательно, что авторы песни, как апологеты феодальной рыцарской этики, намеренно принижают статус абазинской пехоты, которая была вынуждена на себе переносить походную пищу-*гъуэмылэ* – *[А]базэ лъэсхэмэ лыгъэгъуэхэр чIыбкIэрэ зырахъэ* (досл. «Абазы пешие на спинах (своих) сушенное мясо носят»).

Судя по описанию Ш.Б. Ногмова, основанному на народных преданиях, Къызбрун зауэ ярко запечатлелась в сознании кабардинцев как грандиозная битва («ужасное побоище»), в которой приняли участие войска практически всей Княжеской Черкесии от Хегака до Кабарды. Численность противоборствующих войск точно определить невозможно, но по репрезентативным данным середины XVII в., оценивающим мобилизационные ресурсы всех княжеских владений Черкесии в 64 тыс., учитывая что в дальний поход Идар Инармасов мог взять с собой только отборное конное войско, речь может идти по меньшей мере о 10–12 тыс. человек с каждой стороны [Эвлия Челеби 1979: 56, 63, 64, 73, 75, 78, 86, 97]. В битве погибло пять князей, и в их числе Талостан Джанхотов – лидер самой могущественной патронимии Иналидов Кабарды, Тохтамыш Кирклышев и его сын Калиш [Ногмов 1994: 104]. Гибель лидеров линиджа Кирклышевых имела фатальные последствия для всего будущего рода Тохтамышевых. В родословной «кабардинских князей и мурз» А.М. Пушкина Кирклыш даже не упоминается среди детей Табулы («Табулду-мурзы»). В родословной же книге, А.И. Лобанова-Ростовского, которая содержит самую подробную роспись Иналидов Кабарды (Идаровых, Джанхотовых, Минбулатовых), Кирклыш упомянут, но о его потомках нет ни одного слова [КРО 1957: 383–387]. Для последних Къызбрун зауэ стала «катастрофической победой», от которой они так и не смогли оправиться. Потомки Тохтамыша не только оказались исключены из числа претендентов на титул *пчышхуэ*, как Минбулатовы/Джиляхстановы. К XVIII в. Тохтамышевы утратили полноценный княжеский статус и в 1744 г. упоминаются уже как вассалы князей Хатокшоко (Атажукиных) [Налоева 2015: 1, 14].

Реальный победитель в Къызбрун зауэ – Идар Инармасов, получил право поселиться в Кабарде где ему угодно, «...кабардинцы же обязывались почитать его за старшего князя и во всем ему повиноваться» [Ногмов 1994: 105]. Идар переселился в Кабарду, которой и правил некоторое время в качестве *пчышхуэ* – великого

князя, «...собственная его часть (бассейн Череча – К.З.) называлась Идарией» [Ногмов 1994: 105]. Еще одним последствием Къызбрун зауэ стало выделение владений Каноко Бесланова – *Къанокъуэ нэфмэ и жылэр рилъэфэкӀуэжщ* (досл. «Каноко косою свое общество/племя отволоку») [Ногма 1956: 59, 63]. С 200 семей он переселился за Кубань в долину Урупа [Ногмов 1994: 106]. Очевидно, речь идет о 200 уоркских семей с подвластным населением. Так произошло отделение от кабардинского этнического массива и постепенная кристаллизация субэтнической группы бесленеевцев.

Датировка Кызбурунской битвы укладывается в очень узкие рамочные ограничения. Старший сын Идара – Кемиргоко, с 1557 г. известен русским источникам в качестве пщышхуэ Кабарды, следовательно его отец мог претендовать на этот титул примерно на двадцать лет раньше него [КРО 1957: 5]. У нас есть еще один важный маркер в определении датировки Къызбрун зауэ – это гибель Талостана Джанхотова, которому черкесские исторические предания приписывают организацию успешного похода на Бахчисарай [КъэрдэнгъуцӀ 2009: 273–280; НПИНА 1986: 51–54]. Последний мог состояться, по нашему мнению, только весной-летом 1535 либо 1536 г. [Кожев 2018: 45–54]. Учитывая, что по данным Ш.Б. Ногмова, Идар Инармасов вмешался в кабардинские междоусобия лишь через два года после их начала, складывается очень плотная ткань событий. В 1535/1536 гг. успешный поход на Бахчисарай, возможно, на фоне громких побед рост политических амбиций Талостана Джанхотова и изгнание семьи Тохтамышша Кирклышева из Кабарды, а в 1537/1538 гг. выступление Идара Инармасова и общечеркеская междоусобная война, завершившаяся Кызбурунской битвой. Уже в 1539 г. в Черкесию совершает свой первый крупномасштабный поход крымский хан Сахиб-Гирей (1532–1550). Период относительного затишья в крымско-черкесских отношениях, наступивший после смерти Мухаммед-Гирея I (1515–1523), заканчивается и начинается период жесткого противостояния Княжеской Черкесии крымской агрессии [Некрасов 1990: 104–111]. В новых условиях возникновение широкой коалиции *кяхских* владетелей с целью возвращения популярному князю-изгою наследственных владений в Кабарде стало бы непозволительной роскошью.

Источники и литература

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
2. КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. // Документы и материалы в 2-х томах. Т. 1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 478 с.
3. *КъэрдэнгъуцӀ* 3. Тхыгъэ кыхъэхэхэр. Налшык: Из-во М.и В.Котляровых, 2009. 756 с.
4. НПИНА – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. I. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. 264 с.
5. Налоева Е.Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник (Альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге Налоевой Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / сост. к.и.н. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с.
6. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 124 с.
7. *Нэгумэ* Ш.Б. Адыгэ народым и тхыдэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкэр тхыль тедзапӀэ, 1958. 240 с.
8. Ногма Ш.Б. Филологические труды. В 2-х томах. Т. 1. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 350 с.
9. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
10. Кожев З.А. Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. № 4 (42). С. 177–182.
11. Кожев З.А. Бахчисарайский поход (Бахшысэрей зекӀуэ): проблема датировки // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2018. № 4 (39). С. 45–54. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-45-54.

12. *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 672 с.

13. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. Вып. 2. 288 с.

**KYZBURUN BATTLE (KYZBRUN ZAUE)
ACCORDING TO CIRCASSIAN TRADITIONS
IN THE PRESENTATION OF SH.B. NOGMOVA**

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head, Sector of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

Circassian historical traditions contain valuable data on the early period of political genesis of the power of Prince Inal and the first generations of his heirs. The Kyzburun battle (Kyzbrun Zaue) is one of the most important events in the history of the princely Circassia of the XVI century. The historical legends and the poetic text of the song dedicated to this event were reflected in the work of Sh. B. Nogmov “History of the Adychean people”. The main content of this historical plot is the internecine struggle of the third generation of the Inalids of Kabarda, in which the rogue prince Idar Inarmasov intervenes. The oral traditions in the editorship of Sh.B. Nogmov contain a number of inaccuracies that can be corrected using the written sources available to us, as well as the genealogical paintings of the Inalids of Kabarda of the 17th-18th centuries. This allows you to analyze historical events, the motives of the main participants and leaders of the opposing factions. The authentic text of the song about the Battle of Kyzburun contains the names of the leaders and the most distinguished warriors, allows you to reconstruct some of the purely military details of the battle. In this event, as in a mirror, the most characteristic features of the feudal era of the late medieval Circassia are reflected. Its most important results were the separation of Besleney principality from Kabarda, the extreme weakening of the political positions of the Princes Tokhtamyshs and the rise of the patronymic of the Idars.

Keywords: Kyzburun battle, Circassia, Inalids, Idar Inarmasov, historical legends.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-20-28